

Жизнь в гареме текла медленно, почти незаметно, как песок скатывается с рыжего бархана, гонимый горячим пустынным ветром. Будни наложниц не отличались многообразием — застывшие как янтарь на солнце, они только и делали, что ожидали княжеской милости среди цветущих садов и развевающихся на ветру шелков. И если первое появление Бай Лао взбудоражило их, как камень, брошенный в мутную стоячую воду, длилось это недолго. Интерес к нему угас так же быстро, как прогарают иссушенная щепка в бушующем пламени. Тем не менее, какой бы скучной и однообразной ни была такая жизнь, она всё ещё была лучше той, что Бай Лао приходилось влачить среди своих лисьих сородичей. В деревне у Бай Лао не было ничего, кроме затёртой циновки в углу старого дома из растресканной на жаре глины. В гареме же у него были хорошие одежды, горячий ужин и возможность каждый день совершать омовение. Иногда Бай Лао корил себя за наслаждение всеми этими благами — в конце концов, за его сегодняшним комфортом стояли вчерашний ужас и кровь его сородичей. Человеческая половина в нём хотела плакать, забиться в самую грязную щель и корить себя за все несчастья и чужие смерти; но демоническая кровь бурлила так радостно, будто по венам текло само счастье — золотое как солнце, звонкое как драгоценные украшения.

Проводить дни с Чуньшен было приятно и интересно. Бай Лао всё меньше ощущал себя невольником, взятым в богатый дворец прислужником — с каждым днём улучшались его навыки каллиграфии; чтение открывало перед ним двери в невиданные миры; пальцы уже не так неловко перебирали струны циня. Чуньшен будто растила из него благородного господина. Даже его обязанности гребневицы порой казались смехотворными, плавно переходя в очередное обучение, как следует ухаживать за собственными волосами, чтобы они не теряли блеска и красоты. На вопросы Бай Лао, так ли нужны слуге ухоженные волосы, Чуньшен лишь отшучивалась, щипая его за чуть распухшие щёки.

— Ты вырастешь таким очаровательным юношей, — говорила она с улыбкой, — было бы преступлением позволить тебе носить на голове ворох соломы.

Бай Лао не разделял уверенности Чуньшен. В родной деревне никто не считал его ни красивым, ни, тем более, очаровательным. Но он бы солгал, сказав, что прикосновения изящных пальцев, мягко втирающих ароматное масло, были ему неприятны или чужды. И он не спорил, блаженно прикрывая глаза, чувствуя себя таким счастливым, что, казалось, мог бы легко воспарить к небесам.

Иногда Бай Лао забывался, воображая себя не прислужником в гареме, а любимым сыном; не демоническим отродьем, но простым ребёнком, которому добрая, заботливая мать читала на ночь волшебные сказки и гладила по голове, пока сон окончательно его не сморит. Но реальность всегда настигала его — внимательным взглядом евнухов, прячущихся в тени; звоном тяжёлой золотой серёжки в собственном ухе. И сегодня она вновь не изменила себе.

Стоял самый знойный час, когда на пороге покоев Чуньшен появился евнух. Бай Лао провёл в гареме уже довольно много времени, но как бы ни пытался, никак не мог научиться как следует их различать. Все они казались одинаковыми, почти безликими — чуть пухловатые, в неприметных одеждах, с бегущими маленькими глазками, готовыми зацепиться за любое нарушение порядка. И если бы у Бай Лао спросили, кто пугает его больше — молодой господин с оружием или безоружный, безмолвный страж гарема, он бы выбрал второй вариант, насколько бы глупо и абсурдно он ни звучал.

Евнух почтительно поклонился. От жары его лицо покрылось блестящими каплями пота, а круглые щёки пошли расплывчатыми красными пятнами, будто краска кляксами растеклась по воде. Он шумно вдохнул, восстанавливая дыхание, и замер, спрятав руки в широких рукавах бежевых одеяний.

— Его Высочество желает видеть Госпожу в своих покоях сегодня ночью.

Чуньшен, до этого занятая вышивкой затейливого цветочного орнамента, вздрогнула и спрятала одну руку в рукав, как всегда делала, если случайно кололась иглой.

В сравнении с Чуньшен, Бай Лао, конечно, провёл не так уж и много времени в гареме, но даже так он успел понять, что евнухи едва ли приносят хорошие вести.

В памяти Бай Лао тот день остался шумным и суетливым, словно лисица, тайком пробравшись в курятник, всполошила всех спящих насекомых. И хотя княжеская милость в гареме была совершенно обычным делом, она всегда будоражила это сонное царство будто впервые. Конечно, если выбор князя падал на обычную наложницу, хлопот у служанок было меньше, но Чуньшен носила высокий титул, которому волей-не волей обязана была соответствовать.

Момо, которую Бай Лао не видел с тех самых пор, как Чуньшен забрала его, привела с собой целый ворох служанок. Они впорхнули в покои стайкой беспокойных птиц, улыбчивых и говорливых. Многие из них знали Чуньшен ещё когда она сама была одной из них и потому чувствовали себя весьма свободно, рассыпаясь в поздравлениях, будто ночь в покоях князя — высшее благословение небес. Чуньшен улыбочиво благодарила каждую и Бай Лао задавался вопросом, видят ли они печаль в её глазах.

Служанки хорошо знали своё дело — пока готовилась вода в купальне, они успели подобрать несколько вариантов одежд и украшений к каждому из них; оценить оттенки множества румян, ароматы эфирных масел. И пока все вокруг суетились, а момо отдавала распоряжение очередному евнуху о том, что ужин Госпожи должен быть ранним и непременно очень лёгким, Бай Лао пребывал в абсолютной растерянности. Он тоже был слугой, но совершенно не знал, что должен делать. Взяв в руки один из гребней, которым обычно укладывал волосы Чуньшен перед сном, он нерешительно взглянул на момо. В голове сразу ожили воспоминания об её тонком ивовом пруте, который кусал его всякий раз, когда он делал что-то не так. Но к его удивлению, она лишь улыбнулась ему, с непривычной мягкостью отстранив за напряжённое плечо. Момо была строгой женщиной, с особым рвением выполнявшей свои обязанности, но, как оказалось, в ней не было необоснованной злобы.

— Это дело не твоего уровня, — сказала она, забирая гребень.

И Бай Лао оставалось лишь наблюдать.

Время летело незаметно. За шумными разговорами о летящих шелках и драгоценных камнях, Бай Лао удивлённо отметил, что солнце давно село и вечер наполнил покои лёгкой прохладой и ароматом распускающихся в ночи цветов. Стихли звонкие девичьи голоса и момо,

пристальным взглядом оценив проделанную работу, уже спешила откланяться, поправляя растрепавшиеся в суете волосы.

Чуньшен, за время сборов едва ли сказавшая несколько слов, наконец, выдохнула, замерев на пороге собственных покоев. Кожа её словно светилась изнутри под светом первых звёзд; волосы оглаживали мягкими волнами изящный овал лица, струились по плечам, блестящие и благоухающие ароматом пышных чайных роз и персиков. Золотые украшения дрожали от лёгкого ветерка, звеня тонкими переливами, и полупрозрачный шёлк искрился серебряными нитями словно россыпью звёздной пыли. Бай Лао видел много красивых женщин, но Чуньшен в тот вечер была прекрасна.

***

Попав в гарем, Бай Лао ещё ни разу не проводил ночь в одиночестве — служанки жили в общих комнатах, Чуньшен просто не могла провести ночь где-то ещё. Проводив взглядом её тонкий силуэт в сопровождении евнуха, странное чувство вдруг овладело им. Словно ему не было здесь места. Маленький грязный демон в изящных покоях — не наложник и не слуга. Кем был он на самом деле?

На низкой тумбочке осталась косметика — румяна, розовые как спелый плод сочного персика; подводка для глаз — кроваво-красная киноварь, васильковая синева, чернота туши для каллиграфии. Бай Лао задумчиво осмотрел их, трепетно огладив самыми подушечками пальцев. Что-то внутри него вздрогнуло, отозвалось лёгким теплом. Лисья кровь всклокотала в странном предвкушении и рука сама потянулась к ручке резного зеркала, которым всегда пользовалась Чуньшен и которого Бай Лао никогда раньше не позволял себе касаться. Расписанное причудливыми птицами и цветочной вязью, оно было тяжёлым и гулко пело, если его встряхнуть[1]. Тяжёлый звук, похожий на далёкое жужжание пчелиного роя разлился по комнате, пробежал мягкими вибрациями по руке Бай Лао и замер в самом сердце чем-то странно-тягучим, словно кровь обратилась горячей смолой.

Бай Лао заглянул в зеркало и долго смотрел на собственное отражение, будто ждал увидеть кого-то другого. Но сколько бы он ни смотрел, в танцующих бликах горящих свечей никак не мог рассмотреть того очарования, в котором была так непоколебимо уверена Чуньшен. Бледная кожа, так непохожая на кожу большинства южан; чёрные глаза с оттенком затхлой болотной зелени. Бай Лао склонил голову набок и попытался улыбнуться — звериные клыки влажно блеснули, едва показавшись из-под раскрывшихся чуть пухловатых губ, и он отвернулся, зажмурившись в отвращении.

«Ты вырастешь очаровательным юношей».

Звучал в голове ласковый голос Чуньшен.

«Ты всегда будешь грязным зверёнышем».

Гудело зеркало в его руках.

Бай Лао зарычал. Совсем как в ту ночь, окружённый жарким пламенем, загнанный в угол. Демоническое отродье, не достойное ни жалости, ни любви, но так страстно этого желающее. И среди тяжёлого металлического гула и треска свечей послышался такой знакомый перезвон. Бай Лао встрепенулся, лихорадочно оглядываясь. Но то не звенели цепочки и золотые пластины. Он коснулся пальцами левого уха — прохлада серёжки лизнула подушечки пальцев и на душе вдруг стало так легко, и улыбка рассветной дымкой замерла в самых уголках губ.

Бай Лао не умел пользоваться косметикой, но он много раз видел, как это делают другие. Он не считал себя ни очаровательным, ни, тем более, красивым, но ведь можно было попробовать. Тем более, Чуньшен точно не станет его ругать.

***

Ночь в одиночестве тянулась медленно, а находиться в покоях одному совсем не хотелось. Привычными тропами, прячась в тенях, Бай Лао направился к уже любимившемуся фонтану. Ночной ветер трепал вплетённую в волосы алую ленту из блестящего в лунном свете атласа; под нижними ресницами красовались росчерки киноварно-красной подводки — линии получились кривоватыми, но Бай Лао всё равно был ими доволен. Странное предвкушение цвело в его груди трепетным цветком, хотя он и сам не знал, чего именно ждал. Встретит ли он второго молодого Господина этой ночью? Позабавит ли его неумелый детский макияж? Бай Лао остановился, нахмурившись. Отчего-то ему совсем не хотелось смешить Фэн Ся. Чувства, что горели в его душе, были новыми и такими непонятными, но одно Бай Лао знал точно — он не хотел выглядеть смешным, он хотел быть красивым. Как все лисицы, которых он когда-то знал.

Однако, возле фонтана он столкнулся с женщиной, которую меньше всего хотел видеть. Даже в ночи её алые одежды пылали так ярко, хотелось зажмуриться.

Сяомин сидела на краю фонтана, задумчиво глядя в воду. Бай Лао редко встречался с ней и обычно, лишь завидев алое ханьфу издалека, старался не попадаться на глаза, но сейчас она выглядела такой печальной и одинокой, что Бай Лао вдруг захотелось подойти поближе, может быть, даже поговорить. В конце концов, проведя в гареме немало времени, он уже не был так уж сильно пуглив.

Нерешительно переминаясь с ноги на ногу, Бай Лао уже хотел сделать шаг, как Сяомин посмотрела в его сторону, ошпарив ребёнка перед собой презрительным взглядом с головы до ног. Поджав губы, она задержалась на его лице и Бай Лао охватил такой ужас, что сердце упало прямо в желудок, а ноги словно приросли к земле.

Сяомин хмыкнула, поднимаясь и разглаживая несуществующие складки на своих дорогих одеждах.

— Конечно, — сказала она, подойдя к Бай Лао и наклонившись прямо к его лицу, — чего ещё можно ожидать от лисы? Ещё ребёнок, но уже понимаешь, как всё устроено, так ведь?

Бай Лао не должен был отвечать. От него и не ждали ответа.

«Ты всегда будешь грязным зверёнышем».

Звучало насмешкой в порывах пустынного ветра, трепавшего алую ленту, вплетённую в волосы; звучало презрением в отдаляющемся эхе шагов и шорохе шёлковых одежд.

Боль разлилась от сердца до самых кончиков пальцев.

И слёзы — алая киноварь — расчертили бледные щёки Бай Лао двумя тонкими кровавыми ручейками.

Комментарии и примечания:

[1] Чуньшен пользуется так называемым «акустическим» зеркалом.

«Акустическое» зеркало - конструкция с полым корпусом, внутри которого прикреплялись две механически соединенные, позднее - спаянные с одного конца тонкие металлические пластины. При встряхивании или резком повороте зеркала свободные концы пластин начинали вибрировать, издавая звенящий или жужжащий звук, который мог не утихать в течение нескольких часов.

<http://bllate.org/book/14934/1323650>